

ПОНЯТИЕ БЫСТРОТЫ В РЕЧЕВОМ ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

The Notion of Quickness in Speech Dialectal Discourse

Надежда Ситковская (Nadezhda Sitkovskaya)

Псковский государственный университет, e-mail: sitkovskaya@mail.ru

Abstract. *The aim of the research is study of ways of linguistic representation of one of culturally distinguished attributes of traditional folk culture – notion of quickness – in the material of Pskov regional study. The sources of information are narrative and folklore texts of different genres, which are preserved in Pskov archive of dialects, folklore and ethnography. One of the results of the research is the description of fairy tale texts, dealing with Shrovetide rite, and partly texts describing the ceremony of marriage (more than 300 units).*

The main method of research is component analysis of semantics of adjectival lexemes with general meaning “quick”.

The work deals as well with the notion of dialectal discourse, which is considered to be the sum-total of speech realizations (separate utterances and complete texts of different volume and genre).

The results of the research show that, despite the inhomogeneity of the archive text material, dialectal discourse preserves features of traditional system of values, including information on importance of quick response in different forms of rites.

Keywords: *dialectal discourse, discourse, linguistic representation, notion of quickness.*

Вступление

В естественном языке и особенно в структуре символического языка традиционной народной культуры большое значение имеет категория признака. Признак служит для человека важнейшим способом познания и систематизации окружающего предметного мира, существующего в его самых разных качественных или функциональных характеристиках. Как отмечает С. М. Толстая, хотя реальные объекты окружающего мира обладают бесчисленным множеством самых разнообразных свойств, мышление и язык избирательно относятся к ним, выстраивая иерархию по степени прагматической важности. Еще более избирателен язык культуры, где признаковые слова имеют ранг семиотического осмысления и в итоге приобретают статус концепта как понятийной категории, имеющей ценностное значение для какого-либо народа и каждого человека как представителя этноса (Толстая, 2002: 7-9).

Предметом нашего исследования является понятие быстроты и его отражение в традиционной культуре и языке. Изучая валентностные свойства прилагательных, объединенных этим понятием, мы убедились в том, что носителями признака быстроты являются многочисленные предметы природного мира, артефакты и сам человек. При этом, определяя объект, признак выполняет функцию характеристики этого объекта, т.е. задается самим человеком.

Признаки *быстрый* и его оппозитивная пара *медленный*, наряду с такими сущностными понятиями, как *новый – старый, белый – черный, кислый – пресный, прямой – кривой, живой – мертвый*, по признанию этнолингвистов, обладая высоким семиотическим статусом, занимают высокие позиции в традиционной картине мира. В частности, признак *быстрый* трактуется как «признак движения и жизненных сил» (Толстая, 2002: 7, 16). Конечно, не все значения адекативных слов с общим значением ‘быстрый’ могут быть причислены к разряду культурных значений, но последние вычлняются с учетом общего семантического фона.

Таким образом, признак, будучи базовой категорией символического языка традиционной народной культуры, в то же время неотделим от предметных и акциональных понятий и составляет с ними единое семантическое пространство, что отражается и в языковой репрезентации понятия быстроты.

Источники, цель и методы исследования

Целью настоящего исследования является выявление системы языковой репрезентации одного из культурно значимых признаков традиционной народной культуры – понятия быстроты – на псковском региональном материале.

Источниками исследования служат диалектные тексты различных жанров, хранящиеся в Псковском диалектном и фольклорно-этнографическом архиве. В ходе работы получили описание тексты сказок, тексты, относящиеся к масленичному обряду, частично тексты, описывающие свадебный обряд (всего более 300 единиц).

Главное направление, над которым мы работаем в настоящее время, – это исследование понятия быстроты в разных сферах народной речевой культуры (на региональном материале), изучение описания различных обрядов, связанных с движением, в области которого и проявляется быстрое или, наоборот, медленное движение. Работа в целом выполняется в этнолингвистическом аспекте, т.е. исследуется не сам традиционный обряд (его структура, символика и т.д.), а речевое описание фрагментов традиционной народной культуры, запечатленное в диалектном дискурсе, который является языковым средством выражения и хранения особенностей обряда.

Основным методом исследования является компонентный анализ текстовой семантики адекативных лексем с общим значением ‘быстрый’. Кроме того, интерес представляет анализ глаголов движения, наречных фразеологизмов (*не по дням, а по часам*), глагольных междометий (*скок-скок, пырх, шарк*) в различной степени отражающих понятие быстроты. В дальнейшем предполагается введение в круг рассматриваемых единиц фонда общерусских и диалектных пословиц.

Детальное изучение псковских фольклорных и диалектных архивных материалов дает возможность исследовать проявление символического характера понятия быстроты, что, в свою очередь, позволяет обосновать национально-культурную значимость для русского языкового сознания данного понятия как существенной смысловой категории, обследовав более широкий круг сфер его проявления на материале текстов регионального характера.

К понятию диалектного дискурса

Современное языкознание последних десятилетий, развиваясь в рамках когнитивного направления, выработало один из таких аспектов исследования, как описание дискурса. Дискурс (от лат. *discursus* – движение, круговорот; беседа, разговор) как сложное и многомерное явление относится к категории базовых понятий когнитивной и коммуникативной лингвистики.

Вместе с тем однозначного и общепризнанного определения данного понятия не существует. Об этом свидетельствует широкий понятийный диапазон термина *дискурс*. Так, Н. Д. Арутюнова обозначает дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» (Арутюнова, 1990: 136-137). Г. Г. Слышкин сближает понятия дискурса и концепта: «Как и всякий артефакт культуры, любая единица языка или речи может служить основной для образования в коллективном сознании лингвокультурного концепта. Это касается и дискурса. Дискурс будет являться объектом, а концепт – инструментом анализа» (Слышкин, 2000: 38-39). Максимально широко понимают дискурс ряд

исследователей, отождествляя дискурс и речь (Миронова, 1987; Богданов, 1993; Макаров, 2003).

Несмотря на существующие в современных лингвистических исследованиях различия в определении и употреблении термина *дискурс*, «бесспорным является тот факт, что дискурс утверждает свое место в системе категорий коммуникации прежде всего через понятие “текст” (хотя таковым текстом в чистом виде не является), а также через понятие “речь”, а именно созданием определенного коммуникативного пространства, где и происходит коммуникативное событие, порождающее текст» (Бессонова, 2004: 22-27). По словам М. Л. Макарова, «многие исследователи дискурса объединены стремлением изучать не абстрактную языковую систему, а живую речь в условиях реального общения. При этом в многообразии социально-психологических теорий взаимодействия есть смысл сосредоточиться на тех, которые во главу угла ставят коммуникацию» (Макаров, 2003: 50).

Таким образом, в самом широком смысле дискурс рассматривается как речевое взаимодействие, как важная и неотъемлемая часть коммуникации, которая выступает носителем и ретранслятором смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций и других ментальных образований.

Применительно к диалектному материалу наиболее приближена одна из вышеизложенных интерпретаций дискурса как «результата речевой деятельности, в которой осуществляются речевые интенции говорящего, которые, в свою очередь, определяются совокупностью социокультурных и ситуативных факторов, влияющих на коммуникацию» (Большакова, 2011: 96).

Феномен диалектного дискурса еще не получил всестороннего освещения, и в целом коммуникативная диалектология находится на начальном этапе своего развития, несмотря на то, что диалектологи всегда имели дело с естественной «живой» речью.

Диалектный дискурс, как дискурс в целом, можно описать в понятиях общего и частного, если обозначить «все диалектное речевое пространство <...> как общий дискурс, особенности которого реализуются в частных дискурсах (например, гендерном, ритуальном, этикетном, темпоральном и т.д.) (Там же: 97-98).

Вместе с тем, как пишет Н. В. Большакова, специфика соотношения диалектной речи и диалектного дискурса состоит в том, что эти сущности не могут быть признаны тождественными (как некоторые исследователи обосновывают тождественность дискурса и речи вообще). Диалектный речевой дискурс, вслед за автором, понимается нами как способ отражения диалектной речи, которая существует объективно, вне зависимости от ее исследователя. Описание дискурса опирается на диалектный текст (в широком смысле этого слова), который выявляется в результате исследовательского эксперимента в условиях полевого сбора. И только благодаря длительности, интенсивности экспедиций диалектный текст приобретает широкие временные и пространственные границы и постепенно становится отражением народно-речевого дискурса, фиксируя особенности восприятия и понимания действительности сельскими жителями – носителями традиционной народной культуры (Большакова, 2009).

Понятие быстроты как этнолингвистический феномен

Исследователями замечено, что понятие быстроты имеет особое аксиологически значимое наполнение в традиционной народной культуре народа, его традициях, обычаях, приметах. Быстрота является важнейшей характеристикой многих аспектов повседневной деятельности человека, а также отражением его видения окружающей действительности, наблюдаемой либо изменяемой человеком. Данное понятие относится к категории сущностных понятий, связанных с трудовой и ритуальной деятельностью человека, с особенностями восприятия природы и артефактов.

Так, по данным этнолингвистического словаря «Славянские древности», ходьба, бег, езда как формы быстрого передвижения включались в ритуалы, исполнявшиеся при изгнании вредоносных сил, болезней, насекомых или при «убегании» от опасности, при гаданиях, для достижения работоспособности и бодрости, успеха, первенства. Совершение бытовых и производственных дел в ускоренном темпе могло быть связано со стремлением к первенству, которое обеспечивает долголетие и успех во всех предприятиях. Для вербальной магии могли использоваться не сами действия и формы быстрого движения, а обозначающие их слова – *иди, беги, быстро, скоро*; девушки (по поверьям восточных славян), услышавшие их в период святок под окнами соседей, верили, что скоро выйдут замуж (Морозов, 1995: 280-282).

Языковые репрезентации понятия быстроты в диалектном дискурсе

Ядерным лексическим репрезентантом понятия быстроты выступает общерусское слово *быстрый*. Об актуальности и значимости понятия быстроты может свидетельствовать множественность наименований данного признака. Так, в псковской диалектной речи лексика с семантикой ‘быстрый’, кроме общерусского прилагательного *быстрый*, представлена рядом адъективных лексем, включающим более 20 единиц (предполагаем, что данный список не конечен), выявленных на основе разных источников, в первую очередь на основе данных «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОС) и его картотеки (КПОС): *бегучий, боевой, бойкий, борзый, вертучий, весёлый, вёрткий, дружный, живой, крутой, ловкий, проворный, проворый, ретивый, скорый, спорый, споркий (споркой), спешный, ходкий, ходовой (ходовой), шибкий, шустрый*. Лексика выявлена путем сплошной выборки из «Псковского областного словаря с историческими данными» и его картотеки. Каждое прилагательное представленного адъективного ряда зафиксировано в речевом материале – диалектных высказываниях, достаточных для определения дефиниции слов, содержащих семы быстроты.

Исследование показало, что такие семы занимают различные позиции в иерархии семантических признаков, формирующих структуру лексических значений каждого из ядерных прилагательных. Приведем в качестве примера прилагательное *спóркий* – ‘выполняющийся быстро, интенсивно’ *И дѣла спóрка была, справлялись*. Сланц.; ‘быстрый в движении, резвый (о лошади)’ *А такой хот был в ей спóркий, большой*. Гд.; ‘сильный, интенсивный (о дожде)’ *Дóжжык идёт спóркай*. Печ.; ‘обладающий низким номиналом, такой, который быстро расходуется (о деньгах)’: *Дéньги спóрки сáли*. Гд. Как видим, два признака – быстрота движения и интенсивность проявления признака, связанного с движением, представленные в единстве в первом значении, актуализируются отдельно в каждом из двух других значений.

Наиболее информативными и показательными для проявления речевого диалектного дискурса являются развернутые тексты, записанные от диалектоносителей как участников коммуникации.

Так, в масленичном диалектном дискурсе преобладают глаголы движения, а именно: *ходить, гулять, ездить, катать, кататься*, а также производные этих слов. Рассказы или отдельные высказывания диалектоносителей наполнены языковыми показателями категории интенсивности, главными из которых являются:

- лексическая частотность этих глаголов (например, в 95 текстах глагол *ходить* встречается 85 раз, глагол *гулять* – 70 раз);
- лексические повторы (*на гулянки ходили, ходили в клуб; в деревни ходили, в чужие деревня ходили, ходили в Белу; зятья в гости к тёщам ходили* – фрагменты извлечены из одного текста).

Выявленные языковые средства, а именно частотность и повтор, создают семантику интенсивности, связанной с силой, напряжением, и, как следствие, подчеркивают значимость действий, связанных с движением как перемещением человека в пространстве, которое на период масленичных гуляний становится обязательным ритуалом. Каждый член социума в период масленичной седмицы был обязан принять участие в уличных гуляниях, «гощении», т.е. походах или поездках в гости, что требует выхода человека за границы его «ближнего круга», т.е. за пределы избы и своего двора.

В связи с этим уместно замечание Т. А. Агапкиной о том, что за всеми обычаями и ритуалами масленичных традиций в конечном итоге просматривается одна-единственная метафорическая ассоциация: движение (Агапкина, 1996: 170).

В итоге анализа многочисленных текстов выяснилось, что, быстрота, характеризующая другие стороны ритуальной и хозяйственной деятельности человека, в масленичной обрядности в целом не выполняет самостоятельной функции, а является включенной в категорию движения. Это наблюдение нам представляется существенным для понимания сущности понятия быстроты.

Несмотря на признаковый характер понятия быстроты и оппозитивного ему понятия медленности, эти понятия онтологически являются характеризующими не предметы, а действия. Это важное, на наш взгляд, свойство признака проявляется в словарных дефинициях, отражающих лексические значения. Покажем для сравнения фрагменты лексикографического описания прилагательных *быстрый* и *крутуннивый* в «Псковском областном словаре с историческими данными» (ПОС).

Бы́стрый. 1. Двигающийся с большой скоростью. *Бы́стрый по́ест называ́ецца Ку́зница* [поезд Ленинград – Кузница]; *он не стано́вицца на фсѣх ста́нцыях*. Остр. 2. О текущем с большой скоростью потоке. *Как за речушкой садик выросал, как за быстрою зелен расцветал*. Шейн, Нар. Песни, 300. (ПОС, 1973: 235).

Круту́ннивый. Быстро бегающий, ходящий. *Зять таю́й круту́ннивый был, никто́ яво ни абго́нит*. Печ. (ПОС, 2004: 257).

Лексические значения данных прилагательных сформулированы с помощью причастий *двигающийся*, *текущий*, *бегающий*, *ходящий*, которые, благодаря своей лексико-грамматической двойственности, включают в себе семантику действия и признака.

В фольклорных текстах, отражающих масленичный обряд на территории Псковской области, например, упоминается движение, направленное на опережение, превосходство над кем-либо: *В Остинку ъздили ката́цца на лаша́дях, три дня ката́юцца, запряга́иши ло́шадь и ѣдиши на ярманку, кто хочит кав о́ абагна́ть, спирва́ адін впирѣд ѣдит, вот, патом уже́ атту́да ѣдит друго́й, меня́ицца, хто от каво́ уѣдит. Заклада́лися там на ско́ка, на бутылки или там на де́ньги, чья лу́чше и́дет ло́шадь, лошадя́ большы́и бы́ли, хару́шыи*. (Псковский диалектный и фольклорно-этнографический архив, Пск., Ольгино Поле, 2000/1268). Такое движение сконцентрировано на перемещении человека с помощью доступных тогда средств передвижения, т.е. связано с ходом лошади: *чья лучше и́дет лошадь*.

В связи с последним замечанием приведем показательный пример из картотеки «Псковского областного словаря с историческими данными»: *А тако́й хот был в ей* [у лошади] *споркий, большы́* (Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными», АПК-I-9, Гд., Носовка). Слово *ход* в значении шаг лошади, характеризуется прилагательными *большой* и *споркий*, последнее из которых входит в адъективный ряд с основной семантикой ‘быстрый’, а первое – *большой*, имея широкую семантику в говорах, здесь может быть рассмотрено как контекстуальный синоним слов *быстрый*, *споркий* и под.

В сказках, записанных на Псковщине, понятие быстроты выражается с помощью устойчивого сочетания *не по дням, а по часам*: *Рос не по дням, а по часам*; *И так стал быстро расти этот садик, так быстро, что не по дням, а по часам* (Сказки Псковской области, 2004: 91, 107). Косвенным образом, т.е. с включением признака быстроты, отражает это понятие выражение *бежит – земля дрожит* (о коне): *Когда бяжить конь! Бяжить, даже зямля дрожить!*; *Жеребец бежит, земля дрожит, с ушей польмь, с ноздрей дым* (Там же: 110, 121).

Также возможно усмотреть отражение быстрого или медленного движения с помощью лексического повтора, одновременно передающего интенсивность: *ишли-ишли, ишли-ишли* (Там же: 66.). Быстрота передвижения может быть выражена лексико-грамматическими средствами – с помощью глагольных междометий: *Заяц скок-скок – и в сени!* (Там же: 60.), [дрозд] *пырх туда!* Она [лиса] – *шарк* к нему на плечи и вылетела с ямы! (Там же: 66.).

Выводы

Таким образом, результаты исследования показывают, что при всей неоднородности архивного текстового материала речевой диалектный дискурс хранит следы традиционных ценностных установок, в том числе и информацию о значимости быстрого действия в разных формах обрядов, сказочных мотивах.

Детальное изучение псковских фольклорных и диалектных архивных материалов позволяет сделать следующие выводы:

- диалектные тексты и отдельные высказывания являются отражением народно-речевого дискурса и коммуникативного поведения диалектоносителя в целом;
- содержание высказываний выявляет широкий круг сфер проявления понятия быстроты на материале текстов регионального характера;
- понятие быстроты является характеризующим по отношению к предметам действительности;
- в структуре текстов, описывающих обрядовую деятельность, наблюдается проявление символического характера признака быстроты;
- ядерным лексическим репрезентантом понятия быстроты в псковской диалектной речи выступает общерусское слово *быстрый*, включенное в ряд адъективных лексем, содержащий более 20 единиц (предполагается, что данный список не конечен);
- об актуальности и значимости понятия быстроты может свидетельствовать выявленная множественность наименований данного признака.

Перспективным представляется следующее наблюдение над составом смысловых компонентов лексического значения диалектных прилагательных с общим семантическим компонентом ‘быстрый’: несмотря на признаковый характер понятия быстроты и оппозитивного ему понятия медленности, эти понятия онтологически являются характеризующими не предметы, а действия.

Изучение традиционных форм поведения человека через его речевую деятельность позволяет говорить о понятии быстроты как о национально значимом, имеющем ценностное значение для какого-либо народа и каждого человека как представителя этноса.

Summary

The notion of quickness has peculiar axiological content in traditional folklore, traditions, superstitions. Quickness is one of the most important features of human daily life, and as well the reflection of perception of the world around, which is either observed or modified by human. This notion belongs to the category of

essential concepts, connected with labor and ritual human activity, peculiarities of perceptions of nature and artifacts.

The research is generally carried out within ethnographic aspect, so it is not rite what is researched (its structure, symbols etc.), but linguistic description of fragments of traditional folk culture, fixed in dialectal discourse, what is linguistic mean of representation and storage of peculiarities of rites and traditional values of ethnos. The sources of information for research are unpublished archive data and “The Pskov regional dictionary of historic data” and its card-index.

Thorough research of Pskov folklore and dialectal archive material allows us to make the following conclusions:

- dialectal texts and separate utterances represent folk-speech discourse and communicative behavior of dialect speaker in general;
- content of utterances demonstrates wide arrange of spheres where quickness is represented at the material of texts of the region;
- notion of quickness is a characteristic of objects of reality;
- representation of symbolic meaning of quickness is observed within the structure of texts describing rituals;
- the core lexical representative of notion of quickness in Pskov dialectal speech is common Russian word ‘bystryi’ (quick, fast), included in the of adjective lexemes, which consists of more than 20 units (it’s supposed that the list is not complete);
- importance of notion of quickness may be proved by the plurality of ways of naming of this feature.

A promising point within the study of the composition of meaningful components of lexical meaning of dialectal adjectives with general semantic component ‘quick’ is that, despite the adjectival features of notion of quickness and opposite notion of slowness, these two notions ontologically appear to be characterizing not objects, but actions.

Study of traditional forms of human behavior through speaking activity allows to appeal to the notion of quickness as to a notion of certain national importance and value for folk unity and a separate person as a representative of ethnos.

Kopsavilkums. *Izmantojot Pleskavas reģionālā pētījuma materiālus, rakstā tiek pētīts attapības jēdziens kā viena no nozīmīgākajām tradicionālajām tautas kultūras pazīmēm valodas reprezentācijas sistēmā. Informācijas avots ir dažādu žanru vēstījumi un folkloras teksti, kas ir pieejami Pleskavas dialektu, folkloras un etnogrāfijas arhīvā. Lai gan arhīvā pieejamie tekstu materiāli ir neviendabīgi, tie saglabā tradicionālo vērtību sistēmas iezīmes, iekļaujot informāciju par ātras reaģēšanas nozīmi dažādu veidu rituālos.*

Использованная литература и источники

1. Агапкина, Т. А. (1996). Концепт движения в обрядовой мифологии славян (на материале весеннего календарного цикла). In *Концепт движения в языке и культуре* (с. 213-254). Москва: Индрик.
2. Арутюнова, Н. Д. (1990). Дискурс. In *Лингвистический энциклопедический словарь* (с. 136-137). Москва: Советская энциклопедия.
3. Бессонова, Л. Е. (2004). Коммуникативные аспекты политического дискурса. In *Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского*. Т. 16 (55) № 1: филологические науки, 22-27.
4. Большакова, Н. В. (2009). Взаимодействие дискурсов в диалектном тексте. *Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого*. Сер.: Филология. № 54, 7-10.
5. Большакова, Н. В. (2011). Дискурсивные аспекты диалектного текста. In *Текст – Дискурс – Коммуникация: Коллективная монография* (с. 68-112). Псков: ЛОГОС Плюс.
6. Григорьева, В. С. (2007). *Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты*. Тамбов: ТГТУ.
7. Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» (хранится в Псковском государственном университете и в Межкафедральном словарном кабинете имени профессора Б. А. Ларина в Санкт-Петербургском государственном университете).
8. Макаров, М. Л. (2003). *Основы теории дискурса*. Москва: Гнозис.
9. Миронова, Н. Н. (1997). *Дискурс-анализ оценочной семантики*. Москва: НВИ-Тезаурус.
10. Морозов, И. А. (1995). Быстрый, быстрота. In *Славянские древности: этнолингвистический словарь* в 5 т. Т. 1 (с. 280-282). Москва: Международные отношения.
11. Псковский диалектный и фольклорно-этнографический архив. Хранится в Научно-образовательной лаборатории региональных филологических исследований (филологический факультет Псков ГУ).

12. Псковский областной словарь с историческими данными (1973). Вып. 2. Ленинград: ЛГУ.
13. Псковский областной словарь с историческими данными (2004). Вып.16. Санкт-Петербург: СПбГУ.
14. Сказки Псковской области (2004) / Под ред. Г. И. Площук. Псков: ПГПИ.
15. Слышкин, Г. Г. (2000). Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) (с. 38-45). In *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*. Волгоград: Перемена.
16. Толстая, С. М. (2002). Категория признака в символическом языке культуры (с. 7-20). In *Признаковое пространство культуры*. М.: Индрик.